

Методологические контексты информационных процессов

УДК 001.92+004.658.2+ 004.93>12+101.1

DOI: 10.17726/phillT.2015.9.1.1.92

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ, ОБРАЗЫ НАУКИ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Куликов Сергей Борисович,

доктор философских наук, доцент,

*декан факультета общеуниверситетских дисциплин,
ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический
университет»,*

Томск, Россия

kulikovsb@tspu.edu.ru

Аннотация. В статье актуализируется исследовательская программа феноменологии, которая позволяет решить задачу структурирования образов науки в эпоху тотального господства информационно-коммуникационных систем. Выявлено, что образ науки структурируется в процессе денатурализации знания, которая не совпадает с историческими формами бытия такого знания. С феноменологической точки зрения научная деятельность – это процесс построения знания, в котором процедуры обоснования и вписывания в контекст являются совокупностью установок познающего сознания. Полнота понимания открывается в качестве недостижимого идеала, стремление к которому и выступает главным показателем научности получаемых результатов. В итоге актуализируется идеальный вариант отображения науки, в отношении которого любые реальные каналы распространения информации лишены самостоятельного значения.

Ключевые слова: информационные каналы, феноменология, образ науки, достоверная информация, историцизм, натурализм, подлинная научность.

INFORMATION CHANNELS, IMAGES OF SCIENCE AND PHENOMENOLOGY

Kulikov Sergey B.,

*Dean of University-wide Faculty, Doctor of Philosophy, Associate
Professor, Tomsk State Pedagogical University,*

Tomsk, Russia.

kulikovsb@tspu.edu.ru

Abstract. In the article the research program of phenomenology which allows to solve a problem of structuring of science images during in the era of total domination of information and communication systems is actualized. It is revealed that the image of science is structured in the course of a knowledge denaturalization which doesn't coincide with historical forms of life of such knowledge. From the phenomenological point of view scientific activity is a process of creation of knowledge in which procedures of justification and description in a context are set of intentions of the cognition consciousness. Completeness of understanding opens as an unattainable ideal, the aspiration to which acts as the main indicator of scientific character of the received results. The ideal option of display of science concerning which any real distribution channels of information are deprived of independent value is as a result actualized.

Keywords: information channels; phenomenology; image of science; reliable information; historicism; naturalism; original scientific character.

Введение

В современной философии науки чрезвычайно устойчивым является мнение, что если контекст обоснования совершенного открытия еще может быть реконструирован, то процесс совершения открытия рационализации поддается с трудом. Вместе с тем в рамках повседневной практики результаты научно-исследовательской деятельности регулярно используют для подкрепления внеученой активности. Достаточно вспомнить образ «белых халатов» и заявления «доказано учеными, что...» из рекламных роликов. Построение релевантного образа науки требует своего рода «расколдовывания» науки как процесса построения сакральных объектов по типу «великий ученый» или же «великое открытие» [1: 85-87]. Это позволит обрести понимание реального наполнения событий, складывающихся в рамках научного познания. Мы полагаем, что решение поставленной задачи возможно на пути анализа отношений трех явлений современных культуры и общества: каналов распространения информации, образов науки и феноменологии.

Понятие информации используется в традиционном значении «сведения и факты». При таком подходе всякий информационный канал есть способ передачи сведений и фактов. В то же время понятия «образ», «образ науки» привлекаются в более конкретных

значениях. Под наукой в данном случае подразумевается вид знания, в рамках которого реализуется «совокупность идей человека, в которых он выражает свое теоретическое овладение предметом» [2: 297]. Иначе говоря, наука – это достоверное знание, т.е. соответствующие действительности теории, позволяющие овладевать (управлять) некоторыми предметами. В свою очередь образ науки имеет следующее значение. Как замечает Ж.-П. Сартр, «...чтобы определить характерные черты собственно образа как такового, нужно прибегнуть к новому акту сознания: к рефлексии. Следовательно, образ нельзя описать как образ иначе, нежели посредством акта второй ступени, когда взгляд отвлекается от объекта и направляется на тот способ, которым этот объект дан» [3: 53]. Отсюда ясно, что все содержательное богатство науки сводится нами к виду продукта особого рефлексивного акта, этот акт представляется изолированным образом, а далее, исходя из этого образа, реконструируются наиболее существенные черты науки. В качестве рефлексии имеется в виду то, что Г. Гегель определял как «движение мысли, выходящее за пределы изолированной определенности и приводящее ее в отношение и связь с другими определенностями так, что определенности хотя и полагаются в некоторой связи, но сохраняют свою прежнюю изолированную значимость» [4: 206]. Из этого ясно, что мы не отделяем философию от спекулятивного мышления. Ясно и то, что наука в целом исследуется в своих сущностных характеристиках, которые рефлексивно выражены в рамках некоторого целостного вида, наблюдаемого с внешней точки зрения.

Оценка новизны результатов, достигаемых нами в отношении достаточно богатой исследовательской литературы по вопросам возможностей феноменологии в плане осмысления основ науки [5-14], зависит от особого поворота, который требуется выполнить в отношении понимания исследуемого объекта, т.е. образа науки. В ряде опубликованных ранее работ было показано, что феноменологическая интерпретация предполагает выделение базовых актов рефлексии, соответствующих динамике самой науки [15-19]. Однако все это не может вести к утрате философии собственных характеристик, ибо полученный «образ науки» будет синонимичен «научному образу науки», а в этом очевидно скрывается тавтология («научная наука»). В то же время предполагается наличие оснований для особой интерпретации феноме-

нологии: одновременно и как науки (или достоверного знания), и как философии, т.е. спекулятивной рефлексии. Первое важно для построения релевантного образа науки, второе – для сохранения внешней позиции относительно науки как реального вида социальной практики, информация о которой распространяется по соответствующим каналам. Другими словами, базовая гипотеза исследования заключается в том, что раскрытие метанаучного смысла феноменологии позволяет получить если и не вечный образ науки в полном смысле, то максимально приближенный к идеальному его виду. Любой результат, полученный на этом пути в отношении «механики» функционирования образов науки, позволяет вывести как бы за скобки современное состояние распространения научной информации и уж совершенно точно лишить своей власти последствия трансформаций образов науки в массовом сознании, ведущих кискажению сути научно-исследовательской деятельности.

Цель работы состоит в том, чтобы показать механизмы структурирования образов науки в рамках реализации феноменологической программы исследований, основы которой заложил Э. Гуссерль. Причем актуализация феноменологии предпринимается в условиях практически абсолютной власти информационно-коммуникационных систем (телевидение, Интернет и др.). В этих условиях феноменология, создававшаяся во времена, когда самыми главными каналами передачи повседневной информации в целом были газеты, телеграф, нарождавшийся телефон и кинематограф, а в научных кругах предпочтительным считалось распространение информации в виде писем, журналов и книг, должна показать свою пригодность и в эпоху, когда информация сама по себе стала едва ли не самостоятельным миром.

Материалы и методы исследования

Основными методами исследования являются сравнительный анализ и феноменологическая реконструкция. В качестве базовых материалов исследования выступают традиционные и современные каналы информации, влияющие на конструирование образов науки, которые проясняются в свете реализации феноменологической исследовательской программы философии как строгой науки и ее интерпретаций. Именно на этом пути открываются возможности обнаружить эвристический потенциал феноменологических разработок в плане демистификации (точнее, демифо-

логизации) процедур построения научного знания и преодоления манипулятивных стратегий в целом.

Результаты исследования и их обсуждение

Вынесение на обсуждение результатов, полученных в ходе соотношения информационных каналов, образов науки и феноменологии, необходимо предварить прояснением следующих моментов.

Современная эпоха представляет собой уникальное состояние культурного бытия человечества. Во все времена информация играла важную роль, позволяя людям вступать в коммуникацию и создавать целые культурные миры. Но лишь в современных условиях информации стало столь много, что уже и сама она не только участвует в построении культурного мира, но и строит свой собственный мир. Причем порой создается впечатление, что этот мир, насыщенный потоками информационных сообщений, не является человеческим в полном смысле слова. Мир информации существует не только и не столько для человека, сколько сам для себя. Так, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» некоторые сообщения распространяются не для того, чтобы адресаты «просто» связались с адресантами, но и для того, чтобы возрос сам объем информации. Примером служит любое проявление так называемой «вирусной рекламы», работающей не за счет создания притягательного образа рекламируемых объектов, которые будят в пользователях желание обладать чем-то; вирусная реклама действует в процессе захвата внимания, усиленного за счет умножения числа исходных потоков информации. Другими словами, некоторый объект рекламируется не за счет собственной привлекательности, но благодаря масштабу собственной включенности в информационные сообщения. В сегодняшнем мире становится привлекательным не только то, чего желают потребители, не только то, что будет такое желание, но и то, что просто более известно.

В современных условиях особую актуальность обретает вопрос о каналах информации. Точно так, как информация в настоящее время обладает характером самоценного явления, так же и каналы, по которым информация распространяется, т.е. формы сообщений становятся едва ли не важнее содержания информационных сообщений. Список традиционных каналов, характерных для до-информационной эпохи, для эпохи служебного, так

сказать, применения информации, прост и понятен. В число традиционных каналов информации входят элементы чувственности (слух, зрение и т.д., включая воображение и память) и разум (точнее формы мышления: понятие, суждение и др.). Чувственность давала фактические данные о явлениях внешнего мира, которые человеческий разум оформлял в контексте человеческого общения и поведения. Например, сигнальный костер, оповещавший о начале вражеского вторжения, достаточно было увидеть, а сообщение о нем достаточно было услышать для того, чтобы в действие были приведены защитные контрмеры: правители и командиры войск оповещены, сами войска приведены в боевую готовность, враг по ранее разработанным планам атакован и разгромлен. В традиционных условиях зачастую выигрывал тот, у кого сигнальная система сработала раньше, у кого было больше информации о противнике и у кого лучше были выполнены подготовительные меры на базе собранной информации. В результате, допустим, Рим и Персия (в разных ипостасях этих государственных объединений) без существенных успехов воевали столетиями, имея достаточно информации о противоположной стороне. Но те же древнеримские войска часто попадали в ловушки, подготовленные германцами, и, не владея полнотой информации о противнике, оказывались разгромленными.

В процессе возникновения и развития сначала массмедиальных, а потом и цифровых средств вещания информационные сообщения смогли создать целый самостоятельный мир и тем самым занять господствующее положение в границах современных культуры и общества. Именно эти нетрадиционные каналы информации, дополняющие возможности чувства и разума, влияют в современных условиях как на движение информационных потоков, так и на их общее воздействие на пользователей. В частности, в массовом сознании формируется образ науки как чудесной силы, способной решить все проблемы человечества. Производители роликов, рекламирующих различные товары на телевидении и в Интернете, этим активно пользуются. В итоге актер, играющий роль врача-стоматолога в рекламе зубной пасты, участвует в игре по созданию иллюзии авторитетности в высказываниях авторов ролика. Зрителю должно быть не важно, на самом ли деле конкретная паста «одобрена стоматологами». Важно лишь то, что наука, персонифицированная в образе «человек в белом халате»,

возможно, так считает, а значит, товар стоит того, чтобы его покупали. Примеры нетрадиционных каналов распространения научной информации таковы: фотоизображение, теле- или кинофильм, презентация в сети Интернет и т.д. Как философская феноменология, основы которой заложил Э. Гуссерль, способна противодействовать искажениям образа науки, распространяемым по данным каналам?

В одной из своих версий феноменология, восходящая к Э. Гуссерлю, выступает одновременно метанаучным и метафилософским знанием. Именно такая интерпретация поможет нам выявить новые аспекты представления особой «механики» структурирования образов науки. Как же возможна указанная интерпретация?

В свое время Э. Гуссерль радикально поставил вопросы об «идеальных условиях возможности науки вообще» и о метафилософских основаниях философской рефлексии как «прообразе философского самоосмыслиния» [20: 267-270, 324-330]. Также были предложены наиболее последовательные ответы на данные вопросы. В частности, Э. Гуссерль заметил, что «ведущей идеей наших размышлений будет, как и у Декарта, идея науки, которую следует обосновать в радикальной подлинности, и, в конечном итоге, идея универсальной науки» [20: 331]. Из этого ясно, что базовыми стандартами, на которые ориентировался Э. Гуссерль, выступают идеальность, радикализм, подлинность и универсализм.

Э. Гуссерль сделал три принципиальных предположения. Во-первых, это утверждение о том, что главной интенцией философии является стремление стать строгой наукой. Э. Гуссерль полагал, что «...с самого момента своего возникновения философия выступила с притязанием быть строгой наукой и притом такой, которая удовлетворяла бы самым высоким теоретическим потребностям, и в этически-религиозном отношении делала бы возможной жизнь, управляемую чистыми нормами разума» [20: 668]. Под «строгостью» в данном случае понимается знание, соответствующее виду объективно понятых и обоснованных идей, связанных воедино посредством однозначно установленных, ясных по своему смыслу проблем, методов и теорий [20: 669]. Второе предположение связано с представлением о том, что «...толчок к исследованию должен исходить не от философии, а от вещей и проблем, философия же по своей сущности есть наука об истин-

ных началах, об истоках» [20: 742-743]. Это означает, что, в одном отношении, философия выступает предельным знанием, а в другом – имеет внешний предел. Третьим допущением, которое делал Э. Гуссерль, выступает то, что теоретическая цель науки – устраниить противоречия и двусмысленность научных понятий; «...чтобы достичь этой теоретической цели, необходимо прежде всего ... заняться рядом исследований, относящихся к области метафизики. Задача последней состоит в фиксировании и изучении неисследованных, зачастую даже незамеченных и все же весьма существенных предпосылок метафизического характера, лежащих в основе всех наук или, по крайне мере, тех, которые имеют дело с реальной действительностью. ... Иначе обстоит дело со вторым рядом исследований, теоретическое завершение которых тоже есть необходимый постулат нашего стремления к знанию. Они касаются в одинаковой мере всех наук, ибо, коротко говоря, относятся к тому, что делает науки науками» [20: 22-23].

Позиция Э. Гуссерля по вопросу метафилософских оснований может быть выражена так: философия как рациональное знание, стремящееся к строгой научности, исследует в качестве предмета первоначала сущего, имеет принципиально внешнее ограничение кругом конкретных проблем; главной из философских проблем выступает обоснование науки. Каковы же способы реализации программы «философия как строгая наука»?

Э. Гуссерль предлагал действовать посредством критики двух исследовательских направлений. Первое из них имеет натуралистическую форму: «Натурализм есть явление, возникшее как следствие открытия природы – природы в смысле единства пространственно-временного бытия по точным законам природы» [20: 675]. Второе направление непосредственно относится к историцистской форме философского знания и возникает как «...следствие “открытия истории” и обоснования все новых и новых наук о духе» [20: 675]. На базе критики натурализма и историцизма Э. Гуссерль выделил строго научный базис философского знания. Тем самым дается один из вариантов решения задачи о предельном обосновании научно-исследовательской деятельности. Под сомнение попадают несколько ключевых моментов натурализма. Э. Гуссерль утверждал следующее: «То, что является характерным для всех форм крайнего и последовательного натурализма, начиная с популярного материализма и кончая новей-

шим монизмом ощущений и энергетизмом, есть, с одной стороны, натурализование сознания, а с другой – натурализование идей, а с ним вместе и всех абсолютных идеалов и норм» [20: 676]. Из этого ясно, что под сомнением, прежде всего, натуралистская установка на овеществление сознания.

В более ранних «Логических исследованиях» Э. Гуссерль предварял общую критику натурализма анализом попыток свести формально-логические принципы к психологическим основаниям (естественным законам мышления) [20: 93-119]: «Я был бы готов сказать, что психологизм живет только непоследовательностью, что тот, кто его последовательно продумает до конца, тем самым уже отрекся от него, – если бы крайний эмпиризм не давал разительного примера, насколько укоренившиеся предрассудки могут быть сильнее самых ясных свидетельств очевидности. С беспощадной последовательностью эмпирист выводит самые тяжкие следствия, принимает ответственность за них и пытается связать их в теорию, разумеется, полную противоречий» [20: 93]. Из этого ясно, что попытки психологизации логики содержат внутреннее противоречие. Так, по Э. Гуссерлю, безосновательны доводы в пользу эмпирического содержания принципа недопущения противоречивости: «На место немыслимости истинности двух противоречащих суждений подставляется реальная несовместимость соответствующих актов суждения. ... Истинное положение дела мы можем описать так: аподиктически очевидной, т.е. в истинном смысле слова внутренне убедительной для нас является лишь невозможность одновременной истинности противоречащих положений» [20: 96-108]. Во многом аналогичные возражения Э. Гуссерль высказывал и в отношении эмпирико-психологического понимания отождествления естественнонаучных законов и правил умозаключения [20: 120-128].

Э. Гуссерль пришел к общему выводу о том, что эмпиризм, как подход к основам логики, принципиально приводит к релятивизму, противореча тем самым «...общему смыслу понятий “логический принцип” и “факт” или – чтобы сказать точнее и в более общей форме – смыслу понятий “истины, вытекающей из одного лишь содержания понятий” и “истины об индивидуальном бытии”» [20: 142-143]. В связи с этим раскрываются причины, по которым Э. Гуссерль определял натурализм, отсылающий к стремлению истолковать философские проблемы через сеть есте-

ственнонаучных и (или) психологических понятий, как то, что «...не может быть философией в специфическом смысле слова, ни где и никогда не может служить основой для философии и само только на основе предшествующей ему философии может подвергнуться философской оценке ради целей метафизики» [20: 682].

В число сугубо «философских» проблем входит раскрытие основ данности предмета как такового сознанию, установление объективной значимости актов сознательной деятельности, раскрытие корреляции между сознательными актами и внешними по отношению к ним вещами, а также многие другие. Все эти проблемы могут быть действительным образом не только выявлены, но и во многом решены на базе принципиально критической установки в условиях устранения всех положительных экзистенциальных высказываний о вещах, их месте в пространстве, включенности во время и других. Следует также отождествить бытие и сознание: все, что не может быть осмыслено, так или иначе обозначено и схвачено в рамках самой деятельности осмысления, по сути, не существует [20: 683-686]. Сфера же знания, находящегося в ведении естественных наук, весьма существенно ограничена, причем граница проходит в области особого рода «наивности» естествознания.

Как замечал Э. Гуссерль, «природа, которую оно [естествознание] хочет исследовать, существует для него просто в наличии. Само собой разумеется, вещи существуют как покоящиеся, движущиеся, изменяющиеся в бесконечном пространстве и, как временные вещи, в бесконечном времени. Мы воспринимаем их, мы описываем их в безыскусственных суждениях опыта» [20: 681]. Из этого ясно, что натурализм по необходимости зависит от идеи природы, задающей способы понимания области непосредственно наблюдаемого. Не менее существенны и ограничения «естественной» психологии, обнаруживающиеся в пределах ощущенного, натурализированного представления о сознании: «Психическое не есть мир для себя, оно дано, как “я” или как переживание “я” (вообще в очень различном смысле), которое оказывается, согласно опыту, уже соединенным с известными физическими вещами, называемыми телами. И это есть ... само собой разумеющаяся данность» [20: 681]. Из этого ясно, что проведение аналогии между психикой и миром природных объектов позволяет задать образ квазиналичного присутствия элементов сознания для наблюдателя.

Таким образом, критический анализ натуралистического направления позволил Э. Гуссерлю заключить, что надеяться на раскрытие строго научного базиса философского знания можно лишь на базе подхода, суть которого в том, что «смысл высказывания о предметности, что она есть и познавательным образом проявляется себя как сущее и притом сущее в определенном виде, должен из одного только сознания сделаться очевидным и, вместе с тем, без остатка понятным. А для этого необходимо изучение всего сознания. ... При этом мы наталкиваемся на одну науку, – ... на феноменологию сознания, противоположную естествознанию сознания» [20: 685-686]. Из этого ясно, что метаоснованием научно-исследовательской деятельности Э. Гуссерль видел замкнутое на себя сознание.

Во многом дополняя вышеуказанное утверждение, мы полагаем, что именно развитие возможности воспринять науку в качестве замкнутой системы сознательной рефлексивной деятельности обусловливает критический анализ Э. Гуссерлем историцизма, второго из общих способов выполнения исследовательских действий, получивших вместе с натурализмом значительное распространение в XX веке. Э. Гуссерль замечал, что «...историцизм полагает свою позицию в сфере фактов эмпирической духовной жизни. Полагая ее абсолютно, без непосредственной натурализации ... историцизм рождает к жизни релятивизм, весьма родственный натуралистическому психологизму и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности» [20: 717]. Из этого ясно, что историцизм – это позиция последовательного релятивизма, которая формируется под влиянием идеи полной зависимости философского знания от исторического процесса. Целые отрасли знания рождаются, живут и умирают, причем каждая из них не имеет превосходства над остальными, являясь лишь рядоположенным способом «мироздания».

Э. Гуссерль полагал, что отрицание самой возможности прогресса ставит непреодолимую преграду между историцизмом и философией как «строгой наукой». В этом отношении «...мироздательная философия и научная философия разграничиваются. ... При этом нужно помнить, что первая не является несовершенным осуществлением последней во времени. Ибо ... до сих пор вообще отсутствует какое-либо осуществление второй идеи, т.е. какая-либо действительно действующая уже как строгая нау-

ка философия» [20: 732]. Из этого вытекает, что только феноменология сознания представляется такой формой знания, которая следует путем строгой науки, а именно объективно понятых и обоснованных идей, связанных воедино посредством ясных по своему смыслу методов.

В рамках позиции Э. Гуссерля, которую он фиксировал в ходе критики натурализма и историцизма, феноменология радикально разрывает, как минимум в возможности, ткань исторического процесса и вводит в бессистемное бытие философии максимальную последовательность и рациональное обоснование. Становится возможным выявить формальные предпосылки выявления причин видоизменения философских образов науки, которые, во-первых, относятся к самосознанию предела (радикальных основ) науки, а во-вторых – принадлежат к пониманию надисторического или метаисторического ее характера.

В результате актуализируется идеальный вариант отображения науки, в отношении которого любые реальные каналы распространения информации лишены самостоятельного значения. Точнее говоря, идеальный образ не может и не должен быть адекватно распространен ни по традиционным (письмо, журнал, книга и т.п.), ни по нетрадиционным (фотоизображение, теле- или кинофильм, презентация в сети Интернет и т.д.) каналам научной информации. Альтернативным каналом распространения видится непосредственный диалог носителя информации и пользователя. Причем степень одновременности участников диалога должна уступить место полноте взаимопонимания: речь, в конечном итоге, о распространении максимально долговечных идеалов, а не о построении сиюминутных чувственных образов. Развернутый пример такого диалога мы и постарались продемонстрировать в настоящей работе.

Заключение

В ходе исследования выявлено, что образ науки структурируется в процессе денатурализации знания, которая, однако, не совпадает с историческими формами бытия самого знания. С феноменологической точки зрения научная деятельность – это процесс построения знания, в котором процедуры обоснования и вписывания в контекст являются совокупностью установок познающего сознания. Из этого следует, что природа и история (т.е. все натуральное и социальное) как внешние границы познающего сознания должны быть восприняты в качестве условных факторов,

только отчасти влияющих на сам познавательный процесс. В рамках такой картины даже психология, законами которой мог бы руководствоваться познающий субъект, оказывается производной от самого процесса познания. Главным фактором, который влияет на этот процесс, выступает понимание, точнее феномен «понятности». Условием же конституирования понятности становится разрыв повседневных связей и привычных ассоциаций.

Но все это также означает, что любой ученый, необходимо опирающийся в своих действиях, например, на здравый смысл, доводы из сферы наблюдения природных объектов и другие социальные и (или) естественные способы аргументации, не может даже надеяться на получение в полной мере «научного» знания. В руках ученого всегда окажется в большей или меньшей степени пригодная для употребления информация о том, как можно понять окружающий мир. Само же понимание, выступающее условием для возникновения науки, останется в своей полноте недостижимым идеалом, стремление к которому и будет являться показателем научности достигнутых результатов.

Именно осознание того, что в рамках науки нет (и не может быть) полного понимания мирового сущего, позволяет занять скептическую позицию, в рамках которой сама возможность манипуляции при помощи научообразных способов утверждения лишается своей силы. Это не означает, что наука полностью бесполезна. Это лишь говорит о том, что переоценивать плоды действия ученых не стоит, тем более в те моменты, когда науку применяют в рекламных и пропагандистских целях.

Литература:

1. *Barthes R. Mythologies.* Paris: Éditions du Seuil, 1957. – 238 p.
2. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М.: Наука, 1974. – 568 с. (*Kopnin P.V. Gnoseological and logical fundamentals of science.* M.: Nauka, 1974. – 568 p.)
3. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб.: Наука, 2001. – 319 с. (*Sartre Zh.-P. The imagined. Phenomenological psychology of perception.* Sankt-Peterburg: Nauka, 2001. – 319 p.)
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3-х тт. М.: Мысль, 1974-77. (*Hegel G. Encyclopedia of philosophical sciences: In 3 vol.* M.: Mysl', 1974-77.)
5. Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки // Современная философия науки. М.: Логос, 1996. – С. 376-392. (*Shtreker E. Husserl's idea of phenomenology as the*

- proving theory of science // Sovremennaya filosofiya nauki. M.: Logos, 1996. – P. 376-392.)
6. *Bast R.A.* Der Wissenschaftsbegriff Martin Heideggers im Zusammenhang seiner Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt, Frommann-Holzboog Publ., 1986. XVI. – 245 s.
 7. *Bruzina R.* Husserl's "Naturalism" and Genetic Phenomenology // New Yearbook for Phenomenology & Phenomenology Philosophy. 2010. Vol. 10. № 1. P. 91-125.
 8. *Casement W.* Husserl and Philosophy of History // History and Theory. 1988. Vol. 27. № 3. P. 229-240.
 9. *Glazebrook T.* From Physis to Nature, Technē to Technology: Heidegger on Aristotle, Galileo and Newton // The Southern Journal of Philosophy. 2000. Vol. 38. № 1. P. 95-118.
 10. *Konopka A.* A Renewal of Husserl's Critique of Naturalism// Environmental Philosophy. 2008. Vol. 5. № 1. P. 37-59.
 11. *Kurtz P.* Phenomenology and Naturalism // Journal of History of Philosophy. 1969. Vol. 7. № 1. P. 74-78.
 12. *Lembeck K.-H.* Philosophie als Zumutung?: ihre Rolle im Kanon der Wissenschaften. Würzburg, Königshausen & Neumann Publ., 2010. – 283 s.
 13. *Moran D.* Husserl's Transcendental Philosophy and the Critique of Naturalism // Continental Philosophy Review. 2008. Vol. 41. P. 401-425.
 14. *Wagner H.R.* Husserl and Historicism // Social Research. 1972. Vol. 39. № 4. P. 696-719.
 15. *Куликов С.Б.* Критика Э. Гуссерлем оснований физико-математического естествознания: релятивистские следствия // Философия науки. 2005. № 4 (27). С. 3-13. (*Kulikov S.B.* E. Husserl's criticism of foundations of physical-mathematical natural science: its relativistic effects // Filosofiya nauki. 2005. № 4 (27). P. 3-13.)
 16. *Куликов С.Б.* Основы философского анализа науки: методология, смысл и цель. Томск: Издательство ТГПУ, 2005. – 184 с. (*Kulikov S.B.* Bases of philosophical analysis of science: methodology, sense and aim. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2005. – 184 p.)
 17. *Куликов С.Б.* Процессы трансформации философских образов науки. Томск: Издательство ТГПУ, 2012. – 160 с. (*Kulikov S.B.* Transformation processes of philosophical images of science. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2012. – 160 p.)
 18. *Куликов С.Б.* Феноменологический подход – ключ к пониманию причин трансформации философских образов науки // Horizon. Феноменологические исследования. 2013. Т. 2 (2). С. 61-74. (*Kulikov S.B.* Phenomenological Approach as the Key to Understanding of the Transformation Reasons of Philosophical Images of Science // Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya. 2013. Т. 2 (2). P. 61-74.)
 19. *Куликов С.Б.* Особенности феноменологической реконструкции процессов трансформации в культуре философских образов науки: натурализм vs историцизм // Вестник Томского государственного пе-

- педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 25-32. (*Kulikov S.B.*
Features of phenomenological reconstruction of transformation processes
in culture of philosophical images of science: naturalism vs historicism
// *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*.
2014. № 7 (148). Р. 25-32.)
20. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск: Харвест, М.: ACT, 2000. – 752 с. (*Husserl E.* Logical
investigations. Cartesian meditations. Minsk: Kharvest, M.: AST, 2000. –
752 p.)